

МОНОГРАФИЯ

ФИНАНСОВЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.И. Замараева, А.В. Шишкова

ЕВРАЗИЙСКАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Елена Замараева

**Евразийская модель российского
государства. Монография**

«Прометей»

2020

УДК 130.2:321.01(470+571)

ББК 60.0

Замараева Е. И.

Евразийская модель российского государства. Монография /
Е. И. Замараева — «Прометей», 2020

ISBN 978-5-00172-020-1

Монография посвящена реконструкции и анализу евразийской социокультурной концепции управления государством. В работе систематизируется и анализируется категориальный аппарат философии евразийства, подробно раскрываются исторические особенности российского государственного строительства и основные принципы формирования концепции управления государством. Анализируется евразийская трактовка феномена русской революции, особенности решения национального вопроса в евразийской концепции и освещаются культурные, политико-правовые и экономические основы евразийского государства. Отдельная глава посвящена актуальности евразийской концепции в свете современной государственной политики. В дискурсе евразийских проблем рассмотрены современные вопросы построения гражданского общества в России, а также выявлены новые аспекты глобализации, актуализирующие этнофилософские и социокультурные проблемы применительно к современным процессам общественного развития.

УДК 130.2:321.01(470+571)

ББК 60.0

ISBN 978-5-00172-020-1

© Замираева Е. И., 2020

© Прометей, 2020

Содержание

Введение	7
Глава 1. Исторические проблемы строительства государства	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Елена Ивановна Замараева,
Анастасия Викторовна Шишкова**
**Евразийская модель
российского государства**
Монография

Рецензенты:

Ивлев В.Ю., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (МГТУ им. Н.Э. Баумана));

Амелина Е.М., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»).

© Замараева Е.И.,

© Издательство Прометей, 2020

Введение

В переломные периоды развития страны интерес к институтам государственного строительства и государственного управления возникает особенно часто. С этой точки зрения евразийское учение представляет особый интерес, т. к. является одним из интереснейших явлений в истории Русского Зарубежья начала XX века. В контексте соотнесения с реалиями сегодняшнего дня евразийство является одной из оригинальных философских попыток осмысления исторического пути развития нашей страны и освещает многие проблемы современности. Вопросы, поставленные евразийцами, особенно актуально звучат в нынешнюю эпоху строительства новой государственности.

Евразийские идеи сегодня востребованы различными политическими и общественными движениями России, и существуют попытки использования их в практической деятельности. Евразийская доктрина была взята на вооружение не только оппозицией, но и в некоторой степени нашла свое воплощение в действующих правительственных структурах.

Ряд положений евразийской концепции управления государством отражен в работах современных философов и политологов. Так, евразийские термины «ведущий отбор», «демотия» и «идеократия» получили дальнейшую разработку в трудах современных неоевразийцев. Концепция «идеократии» переосмысливается с точки зрения «третьего пути», с отсылкой к идее консервативной революции. «Демотия» трактуется как форма демократической организации общества в соответствии с воззрениями основателя движения «Новые правые» Алена де Бенуа, который выделяет три типа демократии – либеральную, эгалитарную и органическую, где последняя в основах своих совпадает с демотическим строем.

Нужно заметить, что среди исследователей евразийства отсутствует единая точка зрения относительно даты возникновения евразийства. Часть исследователей (В.Я. Пащенко, С.М. Половинкин, Л.В. Пономарева, А.В. Соболев и др.) связывают момент возникновения евразийства с датой опубликования Н.С. Трубецким его работы «Европа и человечество» в 1920 г., в которой была заложена теория и методология новой концепции. Другая группа исследователей (И.В. Вилента, Р.А. Урханова, Л.И. Новикова и др.) считает датой возникновения евразийства выход в 1921 г. коллективного сборника «Исход к Востоку» четырех авторов – Н.С. Трубецкого (1890–1930), П.П. Сувчинского (1892–1985), П.Н. Савицкого (1895–1968) и Г.В. Флоровского (1893–1979), в котором присутствует уже сам термин «евразийство» и намечены проекты преобразования постреволюционной России.

Однако представляется логичным все-таки считать точкой отсчета первое письменное указание на создание евразийской группы, которое мы находим в письме А.А. Ливена к П.Н. Савицкому¹ от декабря 1920 г., в котором говорится: «Здесь, в Софии, имеется книгоиздательство, во главе которого, в качестве одного из директоров-распорядителей, стоит Петр Петрович Сувчинский. Он, Николай Трубецкой, сын Сергея Николаевича, и я составляем здесь Евразийскую группу, имеющую в своих руках очень ценный издательский аппарат. Трубецкому поручено составление «Евразийского сборника» и дело за материалом. У него есть свои рукописи; есть кое-что интересное и ценное у Сувчинского». Таким образом, датой образования евразийского движения следует все-таки считать 1920 г.

Позднее к евразийскому движению присоединились Д.П. Святополк-Мирский (1890–1939), Г.В. Вернадский (1888–1973), Л.П. Карсавин (1882–1952) и ряд других мыслителей. Евразийцы сами себе давали следующее определение: «Евразийство есть пореволюционное

---

¹ Отрывок из письма кн. А.А. Ливена к П.Н. Савицкому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/1920-AAL-epist.php>? свободный. Загл. с экрана.

политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира»².

Стоит отметить, что евразийство позиционировало себя как философская система, претендующая на многомерный охват бытия, так как создавали его ученые, мыслители, а не политики. Об этом, в частности, пишет немецкий историк Л. Люкс: «В разработке концепции евразийства приняли участие этнологи, географы, языковеды, историки, правоведы и др. Это разительно отличает евразийство от большинства идеологий, возникших в Европе между двумя мировыми войнами, тут за дело взялись не дилетанты и политические доктринеры, а люди, прошедшие научную школу, владеющие искусством изощренного анализа. Вот почему воздвигнутое евразийцами построение не так просто было повалить, хотя большинство русских эмигрантов было изрядно шокировано их откровениями»³.

Состав участников движения не был постоянным: кто-то отходил от движения, кто-то вливался в него. Нужно отметить также, что евразийство не было цельным и законченным идейным течением, оно постоянно эволюционировало, состав идей регулярно обновлялся. Основы идеологии движения были сформулированы еще в ранний период, когда безусловным лидером евразийства был Н.С. Трубецкой. До 1925 г. Н.С. Трубецкой руководил течением и теоретически, и организационно, однако затем, когда к движению присоединяются люди с самыми разными интересами и убеждениями, ситуация меняется, и в результате идеолог движения, создавший его философскую базу, выходит из него.

Согласно С.С. Хоружему⁴, развитие евразийства можно условно разделить на три периода.

Первый период – с 1921 по 1925 гг. – этап теоретического и организационного становления движения. Четыре основателя евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский) покидают Софию и разъезжаются в Париж, Прагу и Вену, где возникают евразийские организации и начинают выходить первые евразийские издания («Евразийские временники», «Евразийские хроники» и др.).

Второй период – с 1926 по 1929 гг. – к движению присоединяется крупнейший русский философ Л.П. Карсавин, под руководством которого начинает работать в Париже «Евразийский семинар». Происходит существенная идеологизация и практическая политизация движения, ориентирование его на «доступность» массам, появляется интерес к тем процессам, которые идут в СССР. В этот период происходит раскол между Парижским и Пражским центрами евразийства (так называемый «Клармарский раскол»), движение дискредитируется и в общественном мнении в среде эмигрантов, и среди самих участников движения. После скандала с пробольшевистской газетой «Евразия» в 1929 г. из евразийской организации официально выходит Н.С. Трубецкой. Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий и В.Н. Ильин выпускают брошюру «О газете «Евразия»: газета «Евразия» не есть евразийский орган» (1929), в которой решительно выступают против подобного направления евразийского течения. В своей «Записке» из этой брошюры Н.Н. Алексеев называет газету «Евразия» анти-евразийским органом и указывает, что подобное направление мысли приводит к внутренней самоликвидации евразийства⁵.

Парижская группа распущена, а главой евразийства в Праге становится П.Н. Савицкий, лидер позднего евразийства.

Третий период – с 1930 по 1939 гг. – связан с рядом действий, направленных на консолидацию движения. В сентябре 1931 г. в Брюсселе проходит первый съезд евразийской орга-

---

² Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Евраз. кн-во, 1932. С. 7.

³ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 59.

⁴ См.: Хоружий С.С. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–84.

⁵ Алексеев Н.Н. Записка // Мир России – Евразия: Антология / Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. С. 302.

низации, в результате которого принимается итоговый документ «Евразийство: декларация, формулировки, тезисы».

С началом Второй мировой войны евразийство прекращает свое существование в виде организованного движения, а годом раньше, в 1938 г., в результате сердечного приступа после обыска его квартиры гитлеровцами умирает первый лидер и идеолог движения Н.С. Трубецкой. Несмотря на то, что правое крыло продолжало общественную и издательскую деятельность (в 1932 году была создана эмигрантская Евразийская партия, вышел сборник «Тридцатые годы» и несколько номеров журнала «Евразийские тетради»), к концу 30-х гг. движение практически сошло на нет. Ряд современников евразийцев отмечал предопределенность и закономерность этого распада, например Ф. А. Степун указывал, что «Распад этот объясняется не только внешними обстоятельствами: смертью князя Трубецкого и Карсавина, возвратом Святополк-Мирского в Советскую Россию, где он, вероятно, и погиб, увозом Савицкого в Россию, из которой он, однако, вернулся, но и более внутренними признаками: особенностями евразийского мирозерцания и организации евразийского движения»⁶.

Возрождение евразийских идей связано с именем Л.Н. Гумилева, основоположником пассионарной теории этногенеза. Продолжая евразийскую традицию, ученый видел в России особый культурно-исторический мир и говорил, что русский народ принадлежит к особому многонациональному евразийскому суперэтносу. Таким образом, происходит формирование «неоевразийства», в рамках которого исследователи⁷ выделяют ряд различных направлений. Так, одним из основоположников неоевразийства является А.Г. Дугин – основатель политической партии «Евразия». К представителям академического неоевразийства относятся А.С. Панарин, Б.С. Ерасов, Ф.М. Гире-нок, В.Я. Пашенко. Еще два направления – современное левое евразийство (Р.Р. Вахитов, С.Г. Кара-Мурза) и право-консервативное евразийство (В.В. Кожин).

Евразийское движение просуществовало всего два десятилетия. Раскол в его рядах был неизбежен, так как яркие личности наиболее видных евразийцев, составлявших ядро движения, были слишком разными и по темпераменту, и по научным интересам, и по философской направленности взглядов, хотя всех их объединяло то, что они принадлежали к одному поколению, поколению, пережившему страшную трагедию распада страны и пытавшемуся осознать причины этого явления.

В рамках евразийской доктрины Евразия являет собой срединный континент, в топографическом плане объединяющий Восточно-Европейскую, Сибирскую и Туркестанскую равнины, возвышенности и горы, отделяющие их друг от друга. Этот континент имеет свои географические, климатические, биологические и другие особенности, что отличает его от Евразии как совокупности земель Европы и Азии и определяет особую экономическую и политическую жизнь проживающих на его территории народов. Большую часть этого пространства занимает Россия, что позволило евразийцам ввести в обиход термин «Россия-Евразия». Все народы «России-Евразии» принадлежат к единому культурному и этнофилософскому миру, органически соединившему в себе элементы Востока и Запада.

Важнейшей частью евразийского учения является концепция государства и государственного управления, которая тесно связана с проблемами экономики, политики, геополитики, культуры и религии.

---

⁶ Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 307–327.

⁷ См.: например: *Самохин А.В.* Исторический путь евразийства как идейно-политического течения (ч. 2.) [Электронная версия] // Альманах «Восток». [Электрон. данные]. 2004. № 3. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_317.htm, свободный. Загл. с экрана; *Сердюк О.В.* Место и роль России в истории: критический анализ евразийской исторической мысли в XX в. Автореферат дис. ... кан. истор. наук. М.: 2011. 24 с.

Евразийская государственная концепция базируется на основополагающих идеях, которые содержатся в евразийском учении. Прежде всего, это положение о России-Евразии как уникальном этнокультурном мире со своей собственной историей и особым путем развития. Евразийцы рассматривают культуру как особую «симфоническую личность», в которой компонентом общественного бытия является не индивидуум, а «многолическая» соборная личность, части которой органично соединены и раскрываются исключительно во взаимодействии, образуя единство. В этой ситуации народ выступает как организованная согласованная целостность социальных групп, а культура народа как симфоническое единство «многонародной» личности. Таким образом, культура одновременно является объективацией симфонической личности и осуществляется через индивидуумов⁸.

Кроме этого, в евразийской концепции государства заложена идея «месторазвития», предполагающая создание на территории России-Евразии единого государства⁹.

Основы социокультурной концепции управления государством были сформулированы в трудах основателя, организатора и первого идеолога евразийства Н.С. Трубецкого, в полной форме концепция евразийского государства представлена в трудах Н.Н. Алексеева, который дает ей название «гарантийное государство».

Цель данного исследования состоит в анализе сущности и содержания евразийской концепции управления государством, ее философского и социокультурного аспектов, а также в определении современного значения данного учения.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет социокультурный подход к анализу проблем управления государством, использование которого позволяет рассматривать культуру, человечество и человека в контексте всемирно-исторического процесса трансформации и динамики общества.

Источниками исследования послужили, во-первых, труды самих евразийцев, в первую очередь работы основоположника и первого идеолога движения Н.С. Трубецкого и главного теоретика концепции управления государством Н.Н. Алексеева, в том числе и их эпистолярное наследие; во-вторых, теоретические манифесты евразийцев; в-третьих, работы первых критиков евразийцев; в-четвертых, работы современных исследователей и критиков (философов, культурологов, политологов, социологов).

Материалы исследования позволяют получить целостное представление о евразийской социокультурной концепции управления государством, что существенно дополняет представление о евразийской доктрине. Значительно расширяется и уточняется картина развития общественной мысли России начала XX в. в ее связи с современными концепциями построения государства. Результаты исследования могут стимулировать более глубокое изучение философии русского зарубежья, а также исследование проблем государства, общества и культуры в их взаимосвязи. Евразийское учение о государстве с учетом современной геополитической ситуации может стать перспективной теоретической платформой для построения новых государственных институтов России.

Актуальной представляется и сама постановка вопроса об объединяющей национально-государственной идее. Один из первых исследователей и критиков евразийства И.А. Исаев, оценивая евразийский проект как утопический¹⁰, признает тем не менее необходимость

---

⁸ Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 176–177.

⁹ Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 322.

¹⁰ См.: Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX-нач. XX века) – М.: Наука, 1991; Исаев И.А. Утописты или провидцы // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступит ст., коммент. И.А. Исаева. М.: Русская книга, 1992.

для государственного строительства национальной идеи: «Если нация еще жива, значит, жива и ее идея. И наоборот: нация жива до тех пор, пока жива ее национальная идея»¹¹.

Таким образом, в условиях современного глобализирующегося мира и процесса модернизации общественного и государственного развития евразийская социокультурная концепция управления государством представляет особый интерес.

---

¹¹ *Исаев И.А.* Россия в поисках национальной идеи [Электронный ресурс] // Русский мир. Электрон. дан. 2001. № 5–6. Режим доступа: http://www.ni-journal.ru/archive/2001/n5_6_2001/8062cb92/220a35d2/, свободный. Загл. с экрана.

Глава 1. Историческо-философские проблемы строительства государства

Евразийская социокультурная концепция управления государством базируется прежде всего на историческо-философской части философии евразийцев. В рамках данного исследования стоит отметить, что историческо-философская часть евразийской философии предлагает отличный от традиционного взгляд на русскую историю: евразийцы посмотрели на историю России не с Запада, а с Востока. Можно утверждать, что по своей концептуальной новизне этот взгляд на татаро-монгольское иго и его роль в русской истории был беспрецедентен. «Вопрос о татаро-монгольском периоде в жизни нашей страны по своему содержанию, – пишет известный исследователь евразийства В.Я. Пащенко, – выходит далеко за рамки чисто исторической проблематики. Эта проблема имеет громадное историческо-философское, более того методологическое значение для правильного понимания российского менталитета, (кто мы?) причин, породивших российскую государственность, специфические черты национальной психологии, генезиса современного российского общества и многое другое»¹².

Стоит подчеркнуть, что значительную часть историческо-философской евразийской концепции разработали Н.С. Трубецкой и Г.В. Вернадский. Они опровергли целый ряд мифологем, сложившихся в результате прозападнической трактовки русской истории; это, прежде всего, взгляд на современную Россию как на преемницу Киевской Руси. Как утверждал Н.С. Трубецкой, Киевская Русь не составляла и двадцатой доли территории современной России. Географическая сущность этого государства совершенно определенно заявлена в начальной летописи – «Путь из варяг в греки». Киевская Русь не совпадала с тем, что принято называть «Европейской Россией», и не являлась сколько-нибудь значительным в политическом и экономическом смысле объединением, так как была привязана к речному бассейну, а на пути к Черному и Каспийскому морям хозяйничали воинственные кочевые племена. Киевская Русь, как считали евразийцы, не могла заложить основы русского государства, так как двигалась от расцвета к упадку, делилась на мелкие княжества, которые не были жизнеспособными, и неизбежно должна была исчезнуть в удельном хаосе дробления. «Киевская Русь не могла ни расширить свои территории, ни увеличивать свою внутреннюю государственную мощь, ибо будучи естественно прикрепленна к известной речной системе, она в то же время не могла вполне овладеть всей этой системой до конца... Киевской Руси оставалось только разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишённые всякого более высокого представления о государственности»¹³. Согласно евразийской трактовке, Киевская Русь была лишь «колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие»¹⁴.

По мнению Н.С. Трубецкого, территория СССР 20-х годов почти полностью совпадала с территорией монгольской части империи Чингисхана, являясь ее ядром. Поэтому некоторые части прежней Российской империи (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия) так легко отпали при образовании нового государства. Народы этих государств не восприняли особую этнофилософию, объединяющую народы Евразии. Зато органично присоединились прежде не входившие области – Хива и Бухара, так как исторически это части единой Евразии. Все это, с точки зрения идеологов евразийства, доказывает жизнеспособность Евразии не только как культурного мира, но и как государственного объединения, истоки которого берут начало

---

¹² Пащенко В.Я. Идеология евразийства. М.: Изд-во Московского университета, 2000. С. 256.

¹³ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 212.

¹⁴ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. С. 381.

в империи Чингисхана. «В исторической перспективе то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом»¹⁵.

Стоит отметить, что, конечно же, между Россией и империей Чингисхана не ставилось знака равенства, так как в последнюю входила почти вся Азия, Китай, Персия, Афганистан. Россия в исторической перспективе – ядро этой империи, которое характеризуется определенными географическими признаками, отделяющими его от остальных частей монгольской монархии. С запада на восток это четыре параллельные полосы – тундровая, лесная, степная, горная; «система степи» соединяет эту территорию от Тихого океана до устьев Дуная; в меридиональном направлении – это система больших рек, отсутствие выхода к открытому морю и отсутствие изрезанной береговой линии, столь характерной для Европы и для Восточной и Южной Азии, континентальность климата. Все это говорит о том, что данная территория – особая часть света, не Европа, не Азия, а Евразия, население которой неоднородно и принадлежит к различным расам, однако существует целая цепь переходных звеньев антропологических типов.

Н.С. Трубецкой, в частности, последовательно доказывает, что Россия-Евразия географически и антропологически представляет собой единое целое, а значит, государственное объединение Евразии – историческая необходимость, способ же этого объединения подсказывает сама природа. Традиционно путями сообщения могли служить только реки и степи, но «система степей» соединяла запад с востоком, значит, «объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи»¹⁶. Кто владеет степью – тот владеет всем. Это удалось сделать Чингисхану. Объединение Евразии явилось делом созидательным, так как было органично природе, а объединение Азии – разрушительным, так как ни Китай, ни Персия вовсе не нуждались в каком-то внешнем государственном объединении, будучи самостоятельными в национально-государственном и культурном отношении. Только в Евразии Чингисхану удалось создать органичное государственно-политическое образование, не отчуждаемое естественной природно-географической средой.

Отметим, что другая прозападная мифологема, которую разрушает евразийская концепция – это оценка деятельности и личности Чингисхана в русской истории. Необходимо подчеркнуть, что эта точка зрения резко не совпадает с крайне негативной и тенденциозной оценкой, которая дана в официальной российской и советской историографии. Рассматривая идеологические принципы империи Чингисхана и определяя сущность его государственной системы, евразийцы стремились «уничтожить то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создалось в исторических учебниках и руководствах главным образом под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств. Нет, Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению»¹⁷.

С точки зрения евразийцев, Чингисхан был не только великим завоевателем, но и великим организатором. И как всякий крупный государственный деятель, он руководствовался не только сиюминутными интересами, но и высшими принципами и законами, которые представляли собой достаточно стройную систему. По мнению Н.С. Трубецкого, Чингисхан как типичный представитель туранского этнопсихологического типа едва ли мог самостоятельно

---

¹⁵ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 213.

¹⁶ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 215.

¹⁷ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 222.

сформулировать главные принципы своей государственной системы, но он чувствовал их интуитивно и все его действия логично вытекали из этого.

Прежде всего, к своим подчиненным, начиная с высших чинов и кончая простым воином, он предъявлял строгие нравственные требования. «Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность и преданность; пороки, которые он больше всего ненавидел, были измена, предательство и трусость»¹⁸. По этим признакам Чингисхан делил людей независимо от их происхождения и имущественного положения на две категории: в первую входили люди, для которых материальное благополучие было превыше всего, это носители рабской психологии, следовательно, они были способны на трусость и предательство; ко второй категории относились люди иного психологического типа, которые ставили свою честь и достоинство превыше личной безопасности и материального благополучия. «Уважая самих себя, они уважают и других, хранящих тот же внутренний устав... Таким образом, человек рассматриваемого типа все время сознает себя как часть известной иерархической системы и подчинен в конечном счете не человеку, а Богу»¹⁹.

Заметим, что деление людей на указанные психологические категории Чингисхан делает приоритетным при государственном строительстве. Люди первого типа не допускались к власти, их заинтересованность удерживалась только материальным благополучием; весь военно-административный аппарат формировался только из людей второго психологического типа. «И если прочие подданные видели в Чингисхане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нем прежде всего наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала»²⁰. Люди ценимого Чингисханом типа – это прежде всего кочевники, мало ценящие материальное благополучие и не привязанные к собственности; люди с рабской психологией чаще встречались среди оседлых племен, поэтому империя управлялась в основном кочевниками.

Стоит подчеркнуть, что качества, которые ценил Чингисхан, вовсе не считались добродетелями в нравах Европы того времени. Известный евразиец позднейшего времени Л.Н. Гумилев отмечает по этому поводу: «В Сибири и в Великой Степи обман доверившегося считался худшим их возможных поступков. Монголы были готовы рисковать жизнью ради избранного ими предводителя только при условии, что он с ними искренен и откровенен. То, что считалось в Европе талантом политика, в Сибири вызывало отвращение. Этнопсихологические структуры всегда различны»²¹.

Другой важной идеологической особенностью империи Чингисхана, по мнению евразийцев, была глубокая религиозность и широкая веротерпимость. В империи не было государственной религии, среди подданных были и шаманисты, и буддисты, и мусульмане, и христиане, но подчиненность высшему существу, внутренняя религиозность были обязательным условием существования. «Будучи лично человеком глубоко религиозным, постоянно ощущая свою связь с божеством, Чингисхан считал, что эта религиозность является непременным условием той психической установки, которую он ценил в своих подчиненных»²².

Евразийцы дают очень высокую оценку личности Чингисхана. В частности, Н.С. Трубецкой называет его «великим организатором»; а другой известный евразиец, историк Г.В. Вернадский, отмечает «гениальный геополитический инстинкт»²³ правителя и пишет о том, что

---

¹⁸ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 217.

¹⁹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 218.

²⁰ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 219.

²¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 298.

²² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 221.

²³ Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 50.

Чингисхан «мог наслаждаться беседой с учеными людьми своего времени и всегда проявлял готовность приобретать новые знания, философствовать о жизни и смерти»²⁴.

Еще одну мифологему разрушают евразийцы в своей концепции: традиционное мнение о том, что татары прервали развитие Руси и нанесли тяжкий урон ее культуре.

В нашем сознании чаще всего татаро-монгольское иго воспринимается как неизбежное и безусловное зло, однако евразийцы предлагали другой взгляд на русскую историю и в «монгольском иге» усматривали и определенные положительные стороны: «Если «Монгольское иго» способствовало отрыву русской земли от Европы..., то с другой стороны, то же «монгольское иго» поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка. Русская земля попала в систему мировой империи – империи монгольской», – утверждает Г.В. Вернадский²⁵.

Стоит отметить, что на положительную роль татаро-монгольского ига в русской истории и становлении русской государственности указывал еще Н.Я. Данилевский²⁶. Он, в частности, отмечал три фактора, способствовавшие становлению русского государства: 1) призвание варягов; 2) татарское нашествие; 3) окончательное оформление крепостного права при Петре I. Данилевский пишет о «гении зарождавшейся Москвы», который умел приспособиться к татарскому «данничеству» и даже извлечь из него выгоду: посредничество московских князей, избавлявших народ от прямого общения с татарами, и породило ту особую любовь русского человека к своему государю.

Ранее Русская земля имела культурную связь только с одной империей – Византийской, политическая гегемония которой была слаба, после монгольского завоевания Русь вошла в систему другой империи – Монгольской, лишь церковные отношения не являлись частью этой системы. Благодаря «монгольскому игу» Русь сумела сохранить Православие, потому что монголы были относительно толерантны в отношении вероисповедания, сам Чингисхан, к примеру, исповедовал шаманизм, но отличался определенной веротерпимостью.

Стоит отметить, что особую роль в сохранении Православия сыграл князь Александр Невский: формально подчинившись монголам, он сберег православную веру и культурно-национальную самобытность своего народа, выиграл время, чтобы его потомки, собравшись с силами, нанесли затем татаро-монголам решающий удар и освободили страну от иноземного ига. Это был тщательно продуманный глубокий политический ход. «Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранения православия как нравственно-политической силы русского народа», – писал Г.В. Вернадский²⁷. И политика Александра Невского, по мнению евразийцев, в нужное время продолжилась в политике Дмитрия Донского.

Несмотря на безусловные минусы монголо-татарского нашествия, оно воспринималось народом Древней Руси как «Божие наказание» и побуждало к переоценке ценностей, готовило переворот в сознании людей. Реакцией на унижение национального самолюбия был необыкновенный душевный и религиозный подъем, который сопровождался подъемом творческим: в иконописи, в церковно-музыкальной области, в религиозной литературе. В этот период началась идеализация и героизация русского прошлого, что особенно заметно в былинах, которые были редактированы именно в то время; «в качестве реакции против угнетенного душевного состояния, вызванного татарским разгромом, в русских душах и умах поднималась, росла и укреплялась волна преимущественно религиозного, но в то же время и национального геро-

---

²⁴ Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. М., 1997. С. 51.

²⁵ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории/ Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: «Беловодье», 1997. С. 255.

²⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995. С. 216–218.

²⁷ Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского/ Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: «Беловодье», 1997. С. 247.

изма»²⁸. Этот национально-религиозный подъем и подготовил впоследствии то, что принято называть «свержением татарского ига».

Возьмем на себя смелость утверждать, что та часть философской системы евразийцев, в которой утверждается, что русская государственность имела монгольские корни, была непривычной в русской историософии и вызвала, естественно, резкую критику. Н.А. Бердяев, в частности писал: «Иногда кажется, что близко им (евразийцам) не русское, а азиатское, восточное, татарское, монгольское в русском. Чингисхана они предпочитают Св. Владимиру. Для них Московское царство есть крещеное татарское царство, а московский царь – оправославленный татарский хан... Любовь к исламу, склонность к магометанству слишком велики у евразийцев, магометане ближе евразийскому сердцу, чем христиане Запада. Евразийцы готовы создать единый фронт со всеми восточно-азиатскими, нехристианскими вероисповеданиями против христианских вероисповеданий Запада»²⁹. Возражая своим оппонентам, Н.С. Трубецкой писал: «Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она всегда останется хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется»³⁰.

Евразийцы последовательно доказывают, что Россия того времени, будучи провинцией большого государства, была включена в общую систему монгольской государственности, в том числе и в ее финансовую систему. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что целый ряд русских слов, относящихся к финансовой сфере (казна, казначей, деньга, алтын, таможня), был заимствован из монгольского и татарского языков и продолжает успешно существовать в современном языке.

Помимо этого, многие системообразующие элементы государственной структуры русские заимствовали именно у монголо-татар: систему административного управления, финансового хозяйства, почтовую связь и пути сообщения, – так как Русь была частью структуры монгольского государства.

Евразийцы считали, что приобщение же к этой государственности не могло быть только внешним, что был воспринят сам дух этой государственности. «Параллельно с усвоением техники монгольской государственности должно было произойти усвоение самого духа этой государственности, того идейного замысла, который лежал в ее основе. Хотя эта государственность со всеми ее идейными основами воспринималась как чужая и притом вражеская, тем не менее величие ее идеи, особенно по сравнению с примитивной мелочностью удельно-вечевых понятий о государственности, не могла не произвести сильного впечатления, на которое необходимо было так или иначе реагировать»³¹.

Великую, но чужую идею, «обладающую неотразимой притягательной силой», необходимо было наполнить русским содержанием, отделить от «монгольства» и связать с православием, потому что все унаследованные традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с Православием. «Потускневшие» идеи Чингисхана вновь ожили в совершенно неузнаваемом византийско-христианском виде. Русское сознание вложило в эти идеи силу религиозного горения и национального самоутверждения, которыми отличалась та эпоха. В таком виде эта идея и стала русской. «Так совершилось чудо превращения монгольской государственной идеи в государственную идею православно-русскую»³², – пишет Н.С. Трубецкой.

Сложный психологический процесс превращения монгольской государственности в русскую центрировался в Москве, и князья Московские становились живыми носителями новой русской государственности. Князья Московские сначала сотрудничали с татарами, лояльно

---

²⁸ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 224.

²⁹ Бердяев Н.А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993. С. 292.

³⁰ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 261.

³¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 226.

³² Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 227.

служба хану и втягиваясь в административную работу монгольского государства, перенимая опыт, а затем объединились в борьбе против Золотой Орды: «Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя»³³.

Беспрецедентным по своей смелости было утверждение евразийца Н.С. Трубецкого о том, что свержения татарского ига как такового никогда и не было, это был просто отказ Иоанна III платить дань Орде, но военных последствий это событие так не имело. Важно было не обособление Руси от власти Орды, а распространение власти Москвы на значительные территории, которые ранее были подвластны Орде, т. е. произошла «замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву»³⁴. Московское же государство, сохранившее ценой татарского ига православие и национально-культурную самобытность, стало преемником монголов. Именно так расценивает эти события народная традиция, отмечает Трубецкой; в народном творчестве Москва и Московское государство, историческое, а не сказочное, начинаются с Ивана Грозного, завоевателя Казани, Астрахани и Сибири: «зачиналась каменная Москва, зачинался грозный царь Иван Васильевич».

С того момента как московские князья перестали быть правителями одной обособившейся провинции монгольской империи, перестали быть сепаратистами и «собирателями земель русских», а стали «собирателями земель татарских», они стали настоящими государственными правителями, утверждает Н.С. Трубецкой. Отметим, что процесс нарастания религиозно-национального духа на Руси времен татарщины, который привел к зарождению религиозно обоснованной национально-государственной идеи, совпал с процессами ослабления идейных и моральных основ монгольской государственности, начавшихся после смерти Чингисхана и обусловленных несовершенством и практической неосуществимостью замыслов и идей великого правителя. Многие высокие татарские чиновники принимали православие и вливались в русский правящий класс, что значительно изменило его личностно-культурный потенциал, так как новообращенные татары являлись представителями того благородного типа кочевников, на который опирался Чингисхан и на котором строил мощь своего великого государства³⁵.

Евразийцы отмечали, что русские никогда не относились к покоренным народам как колонизаторы, что, в частности, свойственно европейской цивилизации (достаточно вспомнить английские, испанские или французские колонии), напротив, народ, включенный в российскую государственность, получал все права этой государственности.

Эту удивительную особенность русской ментальности – включать завоеванные территории и народы в качестве равных в состав своего государства – отмечает вслед за евразийцами самобытный русский мыслитель и философ И.Л. Солоневич, который говорит о том, что народ, включенный в систему русской государственности, получал равные со всеми народами права этой государственности, поэтому в России во все времена князья могли быть и русским, и татарами, и грузинами; финансовые олигархи – азербайджанцами, а министры – поляками, немцами, армянами. «Так побежденный народ включается в общую судьбу Империи – и в добре,

---

³³ Евразийство. Опыт систематического изложения / Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. С. 381.

³⁴ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 229.

³⁵ В этом смысле показательны масштабы русско-татарской культурно-генетической ассимиляции. Примерно треть семей русских аристократов были по своему происхождению татарами. Г.В. Вернадский и Л.Н. Гумилев приводят в качестве примера более шестидесяти известных русских фамилий, имеющих татарские корни. В их числе Аксаков, Аракчеев, Ахматов, Бахтеяров, Бердяев, Булгаков, Бунин, Бухарин, Годунов, Державин, Ермолов, Карамзин, Киреевский, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Татищев, Третьяков, Тургенев, Тютчев, Ушаков, Шереметьев и др. (См.: Побединский В.Н. Философия культуры классического евразийства: Автореф. дис. Нижневартовск, 2008)

и во зле, и в несчастье. И он становится частью Империи. Если бы этого не было, то за время всех нашествий Россия раскололась бы уже десятки раз»³⁶.

Подобной же точки зрения придерживается Л.Н. Гумилев: «Москва не продолжила традиций Киева, как это делал Новгород. Напротив, она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских усобиц, заменив их другими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов, – системой строгой дисциплины, этнической терпимости и глубокой религиозности»³⁷.

Русская государственность, доставшаяся в наследство от монголов, считают евразийцы, основывалась на прочном религиозно-бытовом основании. «Всякий русский независимо от своего рода занятий и социального положения принадлежал к одной и той же культуре, исповедовал одни и те же религиозные убеждения, одно и то же мировоззрение, один и тот же кодекс морали, придерживался одного и того же бытового уклада»³⁸. Различия между сословиями были не культурные, а экономические, не качественные, а количественные. Основанием всего была религия, православная вера, которая являлась не совокупностью догм, а цельной системой жизни, которая в евразийской концепции называется «бытовым исповедничеством». Православие и русский быт были неотделимы друг от друга, являлись единым целым.

Необходимо подчеркнуть, что государственная идеология составляла органическую часть «бытового исповедничества». Царь являлся воплощением государственной идеи и национальных интересов, проводником Божьей воли, несущим ответственность перед Богом за весь народ, а потому царствование представлялось нравственным подвигом. Власть царя поддерживалась «бытовым исповедничеством», которое само находило опору в царе. «Таким образом, царь и бытовое исповедничество взаимно поддерживали друг друга, составляли друг с другом нераздельное целое, и в этой крепкой спаянности лежала прочная основа древнерусской государственности»³⁹. Так как быт, культура и вера воспринимались как единое целое, то между понятиями «русский» и «православный» ставился знак равенства. Иноплеменник воспринимался как «чужой» и по вере, и по культуре, то есть это было не этнографическое, а этическое различие. Определенная толерантность была в отношении религий, не соприкасающихся с христианством; мусульмане, буддисты, язычники являлись «грешниками» по неведению, незнанию, неправославные же христиане, католики и протестанты, сознательно «отвергающие божественные истины», считались еретиками.

Заметим, что, несмотря на различие идеологического обоснования, между монгольской государственностью и московской евразийская концепция усматривает общие черты, которые позволяют считать московскую государственность преемницей монгольской. Во-первых, существовала определенная форма быта и психологическая установка (кочевнический быт – в империи Чингисхана, «бытовое исповедничество» – в Московском государстве). Во-вторых, глава государства воспринимался как образец идеального правителя, а государственная дисциплина строилась на всеобщем подчинении и народа, и монарха божественному началу, земным воплощением которого является правитель. И наконец, добродетелью подданных являлось отсутствие привязанности к материальным благам и преданность религиозному долгу.

Основное отличие государственности монгольской от московской, по мнению евразийцев, – это различие в содержании той религиозной идеи, которая являлась системообразующим элементом. Вместо «расплывчатого и демагогически бесформенного» шаманизма – православие, которое соединило все стороны быта и культуры с государственной идеологией. Кочевников, на которых делал ставку Чингисхан и которые не были связаны с определенной религией,

---

³⁶ Солоневич И.Л. Дух народа // Наш современник. 990. № 5. С. 157.

³⁷ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994. С. 296.

³⁸ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994. С. 296.

³⁹ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994. С. 237.

но связаны с определенными этносами и с географическими условиями, заменило «бытовое исповедничество», прочно связанное с религией, но независимое от этноса и географических условий. Вместо полной веротерпимости, подрывающей основы государственности, в Московском государстве установилась веротерпимость ограниченная, полностью соответствующая догмам православной веры. Эти отличия и определили преимущества русской государственности, которая к тому же была свободна от притязаний над Азией, так как то, что «можно завоевать, но нельзя удержать в руках, несомненно, ослабляет государство»⁴⁰.

Подчеркнем, что перед московской государственностью стояла задача, которой не было у монгольской – оборона против Запада, что ставило Россию перед необходимостью усвоения западной военной техники, а значит, и промышленности. Выполнение этой сложной задачи взял на себя Петр I, однако, по выражению Трубецкого, «увлекся», и произошло то, чего следовало опасаться больше всего: военная мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой.

«Заимствуя западную технику для укрепления внешней мощи России, Петр I в то же время наносил русскому национальному чувству самые тяжелые оскорбления и разрушал все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России»⁴¹. Он отменил институт патриаршества, принципиально важный для государственно-идеологической системы, разрушил «бытовое исповедничество» правящего класса, заменив его космополитичным и без-религиозным европейским светским бытом, искоренил представление о царе как идеале правителя, так как сам вел безнравственный образ жизни, серьезно поколебал морально-религиозные устои общества. Поэтому сторонниками дела Петра I могли быть только иностранцы, беспринципные карьеристы или откровенные мошенники; русскому человеку, в котором сильны были моральные и религиозные устои, политика Петра I должна была казаться отвратительной и антирусской.

С этой мыслью евразийцев соглашается Л.Н. Гумилев: «Новые люди, пришедшие с Петром к управлению страной, были карьеристы и казнокрады. Взятки, коррупция достигли при «преобразователе» такого распространения, какого в XVII в. бояре и представить себе не могли»⁴². Русская историография отмечает, что у Петра I не нашлось достойных преемников, и это было вполне закономерно, так как порядочный и высоконравственный человек не мог проникнуться идеями царя-реформатора и примкнуть к его делу. Парадокс состоит в том, что Петр был необыкновенным патриотом, но беда была в том, что он любил не реальную Россию, а свою идею о ней как о великой европейской державе, смотрел на Россию как на материал для воплощения этой мечты. Этим, по мнению евразийцев, и объясняется амбивалентность его политики: самоотверженная любовь к Отчизне и оскорбление национального чувства. Антинациональная петровская политика была вызвана не исторической необходимостью, а личностью самого Петра.

---

⁴⁰ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994. С. 240.

⁴¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994. С. 242.

⁴² Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994. С. 290.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.